

Научная статья

УДК 343.14

EDN TADSDC

DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(3).243-253

ПОЗНАНИЕ И ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ

С.В. Корнакова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

15 мая 2023 г.

Дата принятия в печать

8 июля 2023 г.

Дата онлайн-размещения

18 июля 2023 г.

Ключевые слова

Уголовное судопроизводство;
познание; уголовно-процессуальное
познание; доказывание; средства
доказывания; доказательства;
производство по уголовному делу

Аннотация. В статье рассматривается остающийся дискуссионным в науке уголовно-процессуального права вопрос о соотношении понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание». Отмечается отсутствие единства взглядов ученых по этому вопросу.

Цель исследования состоит в критической оценке аргументов, приводимых настаивающими на отождествлении познания и уголовно-процессуального доказывания учеными, а также демонстрации доводов, указывающих на необходимость признания наличия между данными понятиями родо-видового отношения. Автором также приводятся аргументы, указывающие на необходимость различия таких понятий, как познание, познание по уголовному делу, уголовно-процессуальное познание и доказывание, выражаемая собственная точка зрения по поводу их содержания и соотношения.

В процессе написания статьи использованы общенаучные методы теоретического анализа, синтеза, формально-логического юридического толкования, обобщения и систематизации научных данных. На основании логического анализа выявлены некоторые недостатки и противоречия в аргументации ученых по рассматриваемым в статье вопросам. Сделан вывод, что уголовно-процессуальное познание, как и существенная его часть — доказывание, представляют собой специфический, особый вид познания, в котором не могут не проявляться общие для всякого познания закономерности. При этом познание возможно без доказывания, но не наоборот. Возражая ученым, понимающим под доказыванием только деятельность по обоснованию выводов участниками процесса, автор утверждает, что познание и обоснование — два аспекта доказывания в уголовном процессе. В соответствии с законодательным определением доказывания под ним следует понимать процесс получения уголовно-процессуальных доказательств и использование их в качестве аргументов для обоснования наличия или отсутствия обстоятельств, перечисленных в ст. 74 УПК РФ.

Original article

COGNITION AND PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF THE CORRELATION OF CONCEPTS

Svetlana V. Kornakova

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2023 May 15

Accepted

2023 July 8

Available online

2023 July 18

Keywords

Criminal proceedings; cognition;
criminal procedural cognition; proof;
means of proof; evidence; criminal
proceedings

Abstract. The author examines an issue that is still debatable in the science of criminal procedure law — the correlation between the concepts of «cognition» and «criminal procedural proof». There is no unity of views among scholars regarding this point. The goal of the research is the critical assessment of arguments presented by those researchers who equate cognition and criminal procedure proof, as well as the presentation of reasons proving that these concepts are in a generic-specific relation. The author also argues for the necessity of differentiating between such concepts as cognition, cognition in a criminal case, criminal procedural cognition and proof, and presents her own opinion regarding their content and correlation.

The author used the general scientific methods of theoretical analysis, synthesis, formal logic legal interpretation, generalization and systematization of research data. The logical analysis identified some drawbacks and contradictions in the argumentation of scholars regarding the issues discussed in the article. It is concluded that criminal procedural cognition, and such its important part as proof, is a particular, specific type of cognition which cannot but demonstrate regularities common for any cogni-

tion. Besides, cognition is impossible without proof, but not vice versa. Disagreeing with the scholars who understand proving only as an activity carried out by the proceedings' participants in order to justify conclusions, the author states that cognition and justification are two aspects of proof in the criminal proceedings. According to the legislative definition of proving it should be understood as the process of obtaining criminal procedural evidence and using it as arguments to substantiate the presence or absence of circumstances enumerated in Art. 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

В теории уголовно-процессуального права на протяжении уже не одного десятилетия не утрачивают своей актуальности вопросы о сущности доказывания в уголовном процессе, его содержании и условиях протекания. В основном не подвергается сомнению положение о том, что процесс доказывания по уголовному делу представляет собой познание. Вместе с тем по поводу соотношения познания и доказывания единство взглядов у исследователей данного вопроса не наблюдается, хотя этот вопрос привлекал и привлекает к себе внимание исследователей. В частности, эти вопросы были объектом исследования А.А. Барабаша, А.А. Брестера, Р.С. Белкина, Г.Ф. Горского, С.В. Курылева, В.А. Лазаревой, И.М. Лузгина, П.А. Lupинской, Ю.К. Орлова, А.Р. Ратинова, А.А. Старченко, М.С. Строговича, А.И. Трусова, А.Ф. Черданцева, С.А. Шейфера, П.С. Элькинд и многих других. Высоко оценивая вклад названных ученых, все же считаем, что отсутствие общности подходов в определении соотношения познания и доказывания в уголовном судопроизводстве свидетельствует о неразрешенности этого вопроса до настоящего времени и, следовательно, его актуальности.

Так, некоторые авторы ставят знак равенства между понятиями «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание», т.е. полностью их отождествляют и используют как взаимозаменяющие [1, с. 218]. Между тем нам видятся дефекты в обосновании указанной позиции, в связи с чем небесполезным представляется:

– во-первых, рассмотрение аргументов, приводимых настаивающими на отождествлении познания и уголовно-процессуального доказывания учеными;

– во-вторых, демонстрация доводов, указывающих на необходимость признания наличия между данными понятиями родо-видового отношения;

– в-третьих, приведение аргументов, указывающих на различие понятий «познание», «познание по уголовному делу», «уголовно-процессуальное познание» и «доказывание»,

поскольку, по нашему мнению, ни одно из этих понятий не является тождественным другому;

– в-четвертых, выражение собственного позиции по поводу их соотношения и содержания.

Прежде всего вызывает по меньшей мере недоумение утверждение одного из сторонников критикуемой нами позиции К.В. Скоблика о том, что в связи с признанием родо-видового отношения между познанием и доказыванием якобы «легко опровергается» вывод об использовании в процессе последнего положений гносеологии [1, с. 218]. Полагаем, что в утверждении о неприменимости положений теории познания к виду (доказыванию), но применимости тех же положений к роду (познанию) усматривается нарушение логического закона достаточного основания, согласно которому все, что справедливо для рода, обязательно справедливо для вида этого рода [2, р. 81]. По Аристотелю, «признак признака вещи есть признак самой вещи» (принцип *nota notae*, по Канту) [3, с. 40]. Если доказывание есть познание, а признак познания — подчиненность гносеологическим закономерностям, значит, и доказывание подчинено закономерностям гносеологии.

Приводя безусловно справедливое суждение В.Т. Томина о некорректности рассмотрения в качестве основания уголовно-процессуального познания исключительно правовых норм без учета закономерностей гносеологии [4, с. 40], К.В. Скоблик, по сути, игнорирует приведенные в том же абзаце рассуждения цитируемого им автора о специфике уголовно-процессуальной деятельности (следовательно, и познания), требующей «разумных ограничений» используемых при доказывании методов. В доказывании ограничивается не познание, а методы его осуществления.

М.М. Михеенко, рассматривая гносеологическую сущность уголовно-процессуального доказывания, являющегося, по его мнению, особой разновидностью познания действительности, тем не менее также считает познание и доказывание идентичными понятиями, между которы-

ми необходимо ставить знак равенства [5, с. 8]. Однако думается, что употребление указанным автором при характеристике уголовно-процессуального доказывания понятия «особая разновидность познания» (разный вид!) уже не должно позволить отождествить его с познанием.

Учеными правомерно указывается на специфику для уголовно-процессуального познания и характера познаваемого, и целей, и средств, и условий, в которых оно протекает [6, с. 159]. Уголовно-процессуальное познание всегда осуществляется в строгих рамках процессуальной формы, чего нельзя сказать о познании. Познание вообще может быть основано на любых данных, уголовно-процессуальное — только на данных, полученных из процессуальных источников.

Доказывание в уголовном процессе, как любой процесс познания, подчиняется законам мышления, и если эти законы заранее не ставят никаких пределов в использовании доказательств в процессе познания явлений действительности, то выводы по уголовному делу должны быть обоснованы только допустимыми доказательствами. Как справедливо отмечает М.К. Треушников, в словосочетании «допустимость доказательств» содержится противоречие: в познании не могут быть недопустимыми имеющиеся доказательства [7, с. 133], но в уголовно-процессуальном доказывании закон запрещает делать выводы на основании доказательств, признанных недопустимыми, даже если нет сомнения в их достоверности. Поэтому между тем, что субъект доказывания знает, и тем, что может стать основой обвинения, существует дистанция, нередко значительная. К сожалению, ситуация, когда лицо, вина которого была очевидной для органов расследования, уходит от ответственности, поскольку против него нет доказательств, предусмотренных правовыми нормами, отнюдь не является редкостью. Поэтому «знать» и «доказать в предусмотренной законом форме» — это далеко не одно и то же. Из этого, думается, с необходимостью следует ошибочность отождествления познания и доказывания. В связи с этим нами полностью разделяется мнение ученых, настаивающих не только на возможности, но и на необходимости ограничения доказывания и уголовно-процессуального познания, а последнее — от познания вообще [8, с. 147].

Также затруднительно, на наш взгляд, согласиться и с позицией А.А. Брестера, критикую-

щего ученых, устанавливающих отношение подчинения между познанием и доказыванием, поскольку к подчиняющему и подчиненному понятиям данная указанным автором оценка такого представления ученых, как «разные вещи» [9, с. 9], вряд ли применима. При этом А.А. Брестер, отождествляя рассматриваемые понятия, одновременно соглашается с мнением А.С. Барабаша о том, что «уголовно-процессуальное доказывание — такой же познавательный процесс, как любой другой, только имеющий свои специфические объекты и цели, познаваемые в особой процессуальной форме» [10, с. 254]. Полагаем, что А.С. Барабаш после частицы «только» как раз и указал существенные признаки, присущие доказыванию и только ему, а потому отграничивающие первое понятие от второго. Доказывание — всегда познание, но не всякое познание — доказывание. Родо-видовые отношения как раз и характеризуются тем, что их содержание является общим, совпадающим в существенных признаках и различным в несущественных для рода, но существенных для вида признаках. Именно такое отношение в логике и носит название «отношение подчинения».

Познание (когниция) — это «совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний» [11, р. 36]. Думается, что вряд ли вызовет возражение утверждение о том, что используемые в уголовном процессе средства и способы познания специфичны. Поэтому отрицание существенности признаков, которыми обладает уголовно-процессуальное доказывание в отличие от познания вообще, ведет либо к отрицанию наличия ограничений, накладываемых уголовно-процессуальным законом на средства и способы познавательной деятельности в ходе доказывания, либо к наличию таких ограничений в любой иной познавательной деятельности. Очевидно, что это не так. Подчеркнем также, что строгими законодательными ограничениями процесса доказывания принципы теории познания не отменяются, а только дополняются.

Напротив, по мнению К.В. Скоблика, особая процессуальная форма доказывания, не должна признаваться его существенным признаком, поскольку из этого якобы неизбежно следует «довление формы над содержанием» [1, с. 219]. Между тем законодатель считает иначе: соблюдение формальных требований, предъявляемых законом к доказыванию, настолько существенно, что их нарушение влечет исклю-

чение полученных сведений из состава знания, на котором должен основываться вывод суда (ст. 75 УПК РФ).

При отрицании возможности служить видообразующим признаком у такого признака познания, как «уголовно-процессуальное» [1, с. 218, 222], К.В. Скобликом, на наш взгляд, производится смешение понятий «сущность» и «существенность». Однако уголовно-процессуальное познание остается познанием, его сущность (направленность логико-практической деятельности на получение знания) не меняется, но приобретает свои существенные признаки, установленные уголовно-процессуальным законом. По правилам формальной логики добавление признака ограничивает объем понятия, поэтому характеристика познания как уголовно-процессуального, не исключая обладания им всеми присущими роду признаками, все же указывает на свойственные ему и только ему особенности.

Например, вряд ли можно оспорить, что добавление к понятию «преступление» признака «корыстное» не изменит его сущности как преступления, но зато существенно изменит его содержание. Существенность признака в логике определяется его способностью наиболее полно и глубоко охарактеризовать предмет [12, с. 130] — в этом и заключается роль видообразующего признака (в нашем случае — признака «уголовно-процессуальное») в родо-видовых отношениях.

Более того, думается, что самим К.В. Скобликом косвенно, но признается существенность законодательных ограничений познания в уголовном судопроизводстве, когда он отказывает адвокатскому познанию считаться познанием уголовно-процессуальным, поскольку такой субъект познания не указан в ч. 1 ст. 86 УПК РФ и результаты познания защитника только по решению должностного лица могут стать доказательством [1, с. 221]. Между тем нам видится, что нет причин отказывать осуществляемому защитником познанию в наименовании «уголовно-процессуальное», если оно происходит в предусмотренной законом форме (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), но, согласимся, что в силу указанного ученым основания, считать такое познание доказыванием неправомечно. На наш взгляд, этим еще раз подтверждается несовпадение понятий «уголовно-процессуальное познание» и «доказывание».

Познание выступает гносеологической основой доказывания, так как оценивается и про-

веряется всегда познанное. Значит, прежде чем стать доказательством, информация о расследуемом событии должна быть познана, осмыслена, проверена и оценена. Существенной особенностью уголовно-процессуального доказывания является невозможность напрямую использовать имеющиеся знания, как это имеет место в других видах познания. Познание возможно без доказывания, но не наоборот. В доказывании могут использоваться только те сведения, которые прежде были преобразованы в форму предусмотренную законом [13, с. 46].

В когнитивных науках, как отмечал английский философ А.Д. Айер, сложилось разделение знания и информации по степени организованности, при котором первое понимается как информация упорядоченная, преобразованная, исходя из целей познания [14, р. 63]. В этом отношении в ходе уголовно-процессуальной деятельности ведущее производство по делу лицо получает информацию об имевшем место событии прошлого преступного деяния, ретроспективно его познает, а процесс преобразования полученной информации в сведения, способные подтвердить наличие или отсутствие обстоятельств этого события, согласно ст. 74 УПК РФ, и является доказыванием. При этом, когда собираются первоначальные сведения, их уголовно-процессуальное значение зачастую еще неизвестно. Лишь при последующем анализе этих сведений субъект познания выявляет наличие в них общего — связи с расследуемым событием. Этот логический прием обобщения решает важную задачу относимости полученных сведений. Та же информация, связь с расследуемым событием которой не установлена, будучи познанной и оставаясь в материалах дела, в содержание предмета доказывания входить не будет. Всякое обстоятельство, относящееся к предмету процессуального доказывания, должно быть познано и удостоверено органами следствия и суда в предусмотренном законом порядке. Но сначала это обстоятельство познается, а уже затем решается вопрос об относимости сведений об этом обстоятельстве к предмету процессуального доказывания. Значит, при установлении соотношения предметов познания и доказывания по делу речь должна идти субординации объемов этих понятий, при которой объем второго понятия охватывается объемом первого. Как справедливо отмечает в этой связи Ю.В. Астафьев, доказывание может возникнуть только на базе познания, но не за-

меняет последнее, а становится его доминирующим элементом [6, с. 164].

Таким образом, уголовно-процессуальное познание, в том числе, и наиболее существенная его часть — доказывание, как и любое иное познание, подчинено общим гносеологическим закономерностям, опирающимся на тезис о принципиальной познаваемости мира, с соблюдением логических форм, приемов и способов получения верного представления об имевшем место событии прошлого. Между тем Л.А. Воскобитова и С.Б. Россинский, исследуя закономерности получения познавательного материала ведущим производством по делу лицом, считают, что такие логические категории, как понятие, сужение и умозаключение, начинают использоваться им лишь «во время оперирования соответствующими доказательствами в целях получения промежуточных или окончательных выводов. Тогда как формирование образов материальных объектов осуществляется исключительно посредством чувственного (наглядно-образного) познания» [15, с. 137].

Полагаем, что в подобном утверждении не учитывается то обстоятельство, что у человека, в отличие от животных, формируемые в сознании образы одновременно обозначаются соответствующими этим образам понятиями. Вне понятий, на уровне представлений или, употребляя терминологию цитируемых авторов, гнозисов [там же], не оформленных в слова, никакой мысли быть не может, а значит, не может быть и познания¹. Если отраженные в сознании человека признаки предмета позволяют дать ответ на вопрос «Что это такое?», то мысль уже принимает форму понятия. Более того, как отмечал русский логик Л.В. Рутковский, наименование предмета уже есть результат мгновенного умозаключения, что доказать нетрудно: для обозначения наблюдаемого предмета соответствующим именем предполагается знание того, что обладание известными свойствами дает предмету право на это имя [17, с. 17].

«Положим, — писал британский логик Дж.Ст. Милль, — я утверждаю, что слышу человеческий голос. В обычном разговоре это было бы признано за прямое восприятие. Однако действительное восприятие состоит лишь в том, что я слышу звук. Что звук есть голос и что этот

¹ Как отмечал С.А. Шейфер, данные, отразившиеся в материальных объектах, должны быть восприняты и преобразованы субъектом доказывания в форму суждения [16, с. 27].

голос есть голос человека, не восприятие, а выводы» [18, с. 139]. Поэтому, как подчеркивал А.А. Старченко, любой исследователь, помимо своей воли и желания, облекает свое мышление в логические формы, не может пользоваться ими или не пользоваться, эти формы не могут быть им игнорированы [19, с. 443]. Из этого следует, что каждая человеческая мысль облекается в соответствующую логическую форму и вне этой формы существовать попросту не может, поэтому ни о какой временной последовательности их применения речи быть не может: для человека даже образ предмета на уровне непосредственно воспринятого в сознании облекается в логическую форму. Например, «на ноже имеются следы крови» — суждение, а «через пролом в стене нельзя вынести сейф» — уже умозаключение.

Весь процесс уголовно-процессуального доказывания предполагает использование логических форм, приемов и способов познания. Как справедливо в этой связи отмечает Ю.В. Астафьев, еще до того, как доказательства станут предметом исследования, необходимо провести ряд мыслительных, логических операций с целью конкретизации самого исследовательского процесса, анализа способов получения информации, имеющей доказательственное значение [6, с. 165].

Кроме этого, отметим, что процесс уголовно-процессуального познания и познание в процессе расследования уголовного дела также не являются одним и тем же. Если субъект, ведущий производство по уголовному делу, для определения направления расследования может использовать так называемую ориентирующую информацию, например данные оперативно-розыскной деятельности, то субъект уголовно-процессуального познания, тем более доказывания, — только информацию, полученную процессуальным путем. Поэтому характеристика познания как процессуального ограничивает не только источники познания, но и возможность использования полученных из этих источников сведений для доказывания. Без преобразования последних в предусмотренный законом вид формирования доказательств, способных быть основанием принятия процессуальных решений, исключено.

Сказанное отнюдь не предполагает различие субъектов познания в ходе расследования, уголовно-процессуального познания и доказывания, так как все эти виды деятельности могут

осуществляться одним лицом, но подтверждает различие в объемах понятий, обозначающих эту деятельность: каждое последующее является видом предыдущего.

С этой позиции, соглашаясь с безусловно справедливым утверждением Ю.В. Астафьева о том, что уголовно-процессуальное доказывание не просто процессуальная деятельность, а деятельность познавательная, поскольку может возникнуть только на базе уголовно-процессуального познания [6, с. 164, 160], считаем возможным выразить несогласие с его мнением о том, что одной из форм последнего является оперативно-розыскная деятельность [там же, с. 170]. Здесь усматривается нарушение логического закона исключенного третьего, поскольку непроцессуальная познавательная деятельность процессуальной быть не может. Налицо смешение понятий «уголовно-процессуальное познание» и «познание по уголовному делу» (или, что то же самое, познание в ходе расследования).

В этой связи согласимся с утверждением авторов, считающих доказывание частью уголовно-процессуального познания, которое, в свою очередь, является частью познания по уголовному делу. При этом последнее, сдерживаемое в известной мере уголовно-процессуальной формой, по их мнению, все же доказательственным правом регламентироваться не может и не должно [20, с. 336], поскольку включает себя хоть и предусмотренные правовыми нормами, но все же «внепроцессуальные» способы получения информации.

Подчеркнем также, что практически каждым ученым, исследующим проблемы уголовно-процессуального познания и доказывания в уголовном судопроизводстве, последнее характеризуется как «сердцевина», «остов», «ядро», «стержень», «душа», т.е. «важнейшая», «центральная» часть процесса [6, с. 162; 21, с. 130; 22, с. 7; 23, с. 31; 24, с. 4; 25, с. 550; 26, с. 42], даже теми из них, которые отрицают различие уголовно-процессуального познания и доказывания [9, с. 9]. Но любая из перечисленных характеристик предполагает наличие иной процессуальной деятельности, не только доказательственной, которая, думается, также не может не предполагать получение информации, познание.

Каждое действие следователя, поскольку оно регламентировано, есть основание называть процессуальным [27, с. 48]. В частности, ознакомление ведущего производство по делу

лица с содержанием заявлений, жалоб или ходатайств, например об отводе в отношении какого-либо участника процесса, безусловно, не только процессуальная, но и познавательная деятельность, предполагающая проверку и оценку, но она не направлена на установление обстоятельств предмета доказывания, являющегося целью доказывания. В этом отношении справедливо, на наш взгляд, утверждение Р.В. Костенко, считающего, что разграничение понятий уголовно-процессуального познания и доказывания происходит, например, при установлении (познании) оснований для избрания меры пресечения, также не относящихся к предмету доказывания [28, с. 32–33]. Поэтому следует согласиться с выводом авторов, считающих доказывание одним из способов приобретения знания в рамках уголовного судопроизводства и, следовательно, одной из форм уголовно-процессуального познания [29, с. 74].

Вместе с тем некоторые ученые, критически относящиеся к отождествлению познания по уголовному делу и доказывания, впадают, на наш взгляд, в иную крайность, утверждая, что они могут не пересекаться или даже вообще быть несовместимы [30, с. 6]. В частности, по мнению В.А. Лазаревой, «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств, но оно не тождественно познанию, осуществляемому путем собирания, проверки и оценки доказательств» [31, с. 102]. Ошибочность подобного вывода видится в том, что цитируемым автором ставится знак равенства между установлением обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, и обвинением. По мнению В.А. Лазаревой, «возложенная на органы уголовного преследования обязанность выяснить все обстоятельства преступления, нормативным выражением которых служит предмет доказывания, совпадает с обязанностью обосновать утверждение о виновности совершившего это преступление лица» [там же].

Полагаем, что с таким выводом категорически нельзя согласиться. Во-первых, используемый законодателем в ст. 73 УПК РФ глагол «установить» означает «выявить, найти, выяснить, доказать» [32, с. 1318], т.е. установление этих обстоятельств в принципе невозможно без познания. Во-вторых, единственным средством их установления являются доказательства, которые, как известно, имеют информационную природу. И, в-третьих, что более важно, автором не учитывается, что, согласно ст. 74 УПК РФ, доказательства призваны установить наличие или

отсутствие обстоятельств предмета доказывания (при этом выделенное нами слово, полагаем, несовместимо с обвинением). Более того, субъект доказывания в силу требований закона не вправе игнорировать сведения, подтверждающие наличие обстоятельств, указанных в п. 5–7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Исходя из этого, очевидно, что отождествлять доказывание, осуществляемое в процессе уголовно-процессуального познания, с обвинением явно несправедливо, и функция обвинения в чистом виде, на наш взгляд, реализуется только в суде.

Между тем К.В. Скоблик считает, что реализуемая в современном уголовном судопроизводстве идея разделения функций на обвинение, защиту и разрешение уголовного дела «ставит под сомнение возможность познания», ориентируя носителей этих функций на противостояние и спор, но не на познание, поскольку это разные деятельности [1, с. 219]. Ученый, на наш взгляд, не берет во внимание то, что спор в условиях судебного разбирательства осуществляется не ради спора. Носители противоположных функций (обвинения и защиты) стремятся убедить не друг друга, а суд в правильности своих позиций. В свою очередь, суд посредством познания оснований позиций сторон формирует собственное знание об обстоятельствах дела. С этой точки зрения, можно частично согласиться с утверждением С.В. Курылева о том, что «доказывание — не познание, оно — для познания» [33, с. 47]. Но подчеркнем, что приведенное утверждение авторитетного специалиста в сфере гражданского судопроизводства полностью справедливо лишь для этого вида правовых отношений, поскольку в гражданском процессе отсутствует осуществляемое государственными органами досудебное производство, а значит, и этап досудебного доказывания, поэтому доказательства появляются только в суде. В уголовном же судопроизводстве, регламентирующем процесс получения доказательств до представления их в суде, приведенное утверждение может быть признано верным лишь для судебного разбирательства, поскольку предполагает, по крайней мере, для стороны обвинения завершение процесса познания и сформированность на основании полученных доказательств окончательного вывода об обстоятельствах дела, выраженного в обвинительном заключении (акте). Но даже в этом случае в суде для стороны обвинения процесс познания может продолжаться, поскольку нельзя исключить ситуации получения новых, не

имевшихся ранее знаний и изменение на основе их содержания своей позиции, например отказ от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Кроме этого, стоит остановиться на вопросе о понимании учеными содержания уголовно-процессуального доказывания. Как представляется, утверждения некоторых ученых о том, что в доктринальной, тем более в дореволюционной российской процессуальной науке, со ссылкой на таких выдающихся ученых, как Е.В. Васильковский, С.И. Викторский, Л.Е. Владимиров, П.И. Люблинский, Н.Н. Розин, В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий, понятие «доказывание» означало деятельность участника процесса «по обоснованию своих выводов» [30, с. 3; 34, с. 41], вызывают серьезное сомнение. Дело в том, что российская процессуальная наука не только в дореволюционный период, но и в период формирования советского строя понятием «доказывание» не оперировала и не могла оперировать, поскольку этот термин был ей неизвестен. Ни в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., ни в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. понятие «доказывание» не встречается, поэтому их современники просто не могли выражать свое отношение к пониманию его содержания.

Безусловно, учеными того времени велись рассуждения о процессе познания по уголовному делу, но без упоминания самого термина «доказывание» (как и термина «предмет доказывания»²), а если оно и употреблялось, то как производное от «доказать», т.е., по сути, означало логический процесс обоснования. В частности, ознакомление с содержанием текста на страницах трудов перечисленных выше авторитетнейших правоведов, на которые делаются ссылки современными авторами, показало, что речь там идет об уголовно-процессуальных доказательствах и о доказательстве, как логической операции обоснования. Очевидно, что ни то, ни другое само по себе уголовно-процессуальным доказыванием являться не может. В частности, утверждения В.А. Лазаревой, цитирующей суждения И.Я. Фойницкого о процессе логического доказательства и делающей при этом уточнение, что речь в них идет о доказывании в

² Этот термин впервые появился в связи с закреплением в ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. См.: Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 дек. 1958 г. : (ред. от 28 нояб. 1989 г.) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1.

современном его понимании [34, с. 41], на наш взгляд, можно расценить как произвольную интерпретацию мыслей известного ученого.

В нормах закона впервые понятие «доказывание» появилось в УПК РСФСР 1960 г., а его определение — лишь в УПК РФ 2001 г. Поэтому, как верно отмечает Б.А. Соловьев, это понятие, являясь исключительно, сугубо процессуальным, не может иметь общенаучного аналога [35, с. 41].

Многие ученые под доказыванием понимают деятельность по обоснованию выводов участниками процесса. Вместе с тем полагаем, что наличие законодательного определения доказывания не позволяет отнести его исключительно к процессу обоснования.

Прежде чем обосновать что-либо, необходимо получить необходимые для этого средства — данные, информацию. В уголовном судопроизводстве такими средствами могут быть только доказательства, они же являются и средствами убеждения суда. Процесс получения этих средств строго регламентирован нормами уголовно-процессуального закона, а чтобы получаемые в процессе производства по делу сведения приобрели статус доказательств, должны быть соблюдены все требования этих норм. Как отмечал в этой связи русский юрист Н.Н. Палаузов, самые нормы процесса ищут гарантии правильности решений в тех внешних, объективных формах, в которых должны представляться доказательства, чтобы иметь обязательную силу для суда [36, с. 213]. Поэтому мыслительная и практическая деятельность по формированию доказательств, способных убедить суд, и есть процесс доказывания по уголовному делу.

Статья 85 УПК РФ определяет, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, при производстве по уголовному делу.

Отметим, что последний из элементов доказывания некоторыми учеными не включался в его структуру. В частности, как отмечал С.В. Курылев, оценка доказательств — самостоятельная процессуальная категория, находящаяся

вне границ понятия процессуального доказывания. По его мнению, умственный процесс по установлению искомым фактов не может регламентироваться законом, поэтому не может быть включен в состав деятельности, называемой доказыванием [33, с. 19, 25].

Отметим, что несомненной заслугой С.В. Курылева является то, что он один из первых процессуалистов, кто пытался «развести» логическое доказательство и уголовно-процессуальное доказывание, под которыми, к сожалению, многими авторами до сих пор понимается одно и то же. Вместе с тем уважаемому ученому можно возразить, что именно закон устанавливает критерии (относимость, допустимость и достоверность), соответствие которым может позволить признать полученные в результате уголовно-процессуального доказывания сведения доказательствами, поэтому и направление мыслительной деятельности может регламентироваться законом. Вместе с тем наличие приведенного представления о структуре доказывания объясняется тем, что, во-первых, в научной литературе того времени, в том числе учебной [37, с. 16], доказывание определялось как исключительно процессуальная, т.е. только практическая деятельность, и, во-вторых, еще отсутствовало законодательное определение доказывания, включающее в его структуру в качестве необходимых элементов оценку доказательств.

Современный законодатель вкладывает в содержание доказывания и процесс получения уголовно-процессуальных доказательств, и использование их в качестве аргументов для обоснования наличия или отсутствия обстоятельств, перечисленных в ст. 74 УПК РФ. Из этого следует, что уголовно-процессуальное познание и обоснование — два аспекта доказывания в уголовном процессе, под которым необходимо понимать логико-практическую деятельность, протекающую в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме и заключающуюся в обосновании собранными, проверенными и оцененными доказательствами обстоятельств предмета доказывания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скоблик К.В. Тожественность понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание» / К.В. Скоблик. — DOI 10.21638/11701/spbu14.2017.208. — EDN ZCPTIZ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2017. — Т. 8, № 2. — С. 217–223.
2. Minto W. Logic, inductive and deductive / W. Minto. — London : Murray, 1893. — XII, 273 p.
3. Лемешевский К.В. Правило *Nota notae* в силлогистике Канта / К.В. Лемешевский // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. — 2009. — № 6. — С. 39–45.

4. Уголовный процесс России. Проблемные лекции : учеб. пособие / науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов, И.А. Зинченко. — Пятигорск : РИА-КМВ, 2014. — 799 с.
5. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве / М.М. Михеенко. — Киев : Вища школа, 1984. — 133 с.
6. Астафьев Ю.В. Структура уголовно-процессуального познания (процессуальный и непроцессуальный аспект) / Ю.В. Астафьев. — EDN SCRQSX // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2005. — № 2. — С. 159–172.
7. Треушников М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. — Москва : Городец, 2005. — 287 с. — EDN QWJUMP.
8. Васин В.В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального познания судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела / В.В. Васин. — EDN KHNOLT // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 147–149.
9. Брестер А.А. Уголовный процесс как познавательная деятельность / А.А. Брестер. — EDN SWSOGV // Правовые проблемы укрепления российской государственности / ред. О.И. Андреева, И.В. Чаднова. — Томск, 2011. — Ч. 51. — С. 8–13.
10. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Барабаш. — Красноярск, 2006. — 414 с.
11. Jeri D. Collins Dictionary Sociology / D. Jeri, J. Jeri. — New York : Harper Collins Publishers, 1995. — Vol. 2. — 443 p.
12. Краткий словарь по логике / под ред. Д.П. Горского. — Москва : Просвещение, 1991. — 208 с.
13. Масликова Н.В. К вопросу о соотношении доказывания и уголовно-процессуального познания / Н.В. Масликова, Е.Д. Горевой. — EDN KPSQPZ // Уголовное судопроизводство. — 2009. — № 1. — С. 42–46.
14. Ayer A.J. Language, Truth, and Logic / A.J. Ayer. — London : Foubert's Place, 1935. — 140 p.
15. Воскобитова Л.А. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве / Л.А. Воскобитова, С.Б. Россинский. — DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(1).130-143. — EDN TMGUJX // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 130–143.
16. Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы / С.А. Шейфер. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. — 170 с.
17. Избранные труды русских логиков XIX века / отв. ред. П.В. Таванец. — Москва : Изд-во АН СССР, 1956. — 403 с.
18. Mill J.St. A system of logic ratiocinative and inductive: being a connected view of the principles of evidence and the methods of scientific investigation / J.St. Mill. — London : Longmans, Green a. co, 1886. — XVI, 622 с.
19. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. — 2-е изд. — Москва : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
20. Попов А.П. Познание и обоснование — два аспекта доказывания в уголовном процессе / А.П. Попов, И.А. Попова. — EDN UZFEDR // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 4. — С. 333–337.
21. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В.Д. Арсеньев. — Москва : Юрид. лит., 1964. — 179 с.
22. Савельева Н.В. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе : учеб. пособие / Н.В. Савельева. — Краснодар : КубГАУ, 2019. — 95 с.
23. Володина Л.М. Доказывание в уголовном судопроизводстве: вчера, сегодня, завтра... / Л.М. Володина. — EDN AXIMED // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 3 апр. 2020 г. — Саратов, 2020. — С. 31–32.
24. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие / П.А. Лупинская. — Москва : ВЮЗИ, 1966. — 102 с.
25. Jackson J.D. Two Methods of Proof in Criminal Procedure / J.D. Jackson. — DOI 10.1111/j.1468-2230.1988.tb01772.x // Modern Law Review. — 1988. — Vol. 51, № 5. — P. 549–568.
26. Буфетова М.Ш. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в российском уголовном судопроизводстве / М.Ш. Буфетова, С.В. Лукошкина. — EDN ХТРОSR // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2018. — № 4 (22). — С. 41–53.
27. Степаненко Д.А. Системность судебных действий в свете нового процессуального законодательства / Д.А. Степаненко // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2002. — Вып. 15. — С. 46–56.
28. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Р.В. Костенко. — Краснодар, 2006. — 421 с.
29. Азаров В.А. Уголовно-процессуальное познание и его современная направленность / В.А. Азаров, А.В. Боярская. — EDN WBQFGX // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. — 2018. — № 1. — С. 73–80.
30. Боруленков Ю.П. Теория доказательств и доказывания: о необходимости разграничения процессуального познания и доказывания / Ю.П. Боруленков. — EDN YKPKBT // Российский следователь. — 2017. — № 6. — С. 3–8.
31. Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе / В.А. Лазарева. — EDN KXKTBL // Уголовное право. — 2007. — № 3. — С. 98–102.
32. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. — 28-е изд., перераб. — Москва : Мир и Образование, 2012. — 1375 с.
33. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. — Минск : Изд-во БГУ, 1969. — 203 с.
34. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе / В.А. Лазарева. — Москва : Юрайт, 2010. — 343 с.
35. Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса / А.Б. Соловьев. — Москва : Юрлитинформ, 2002. — 155 с.
36. Палаузов В.Н. Вступительная лекция по уголовному судопроизводству / В.Н. Палаузов // Записки Императорского Новороссийского университета / под ред. А.А. Кочубинского. — Одесса, 1881. — Т. 32. — С. 209–226.
37. Иванов В.А. Советский уголовный процесс / В.А. Иванов, П.С. Элькинд. — Москва : Госюриздат, 1953. — 452 с.

REFERENCES

1. Skoblik K.V. The Identity of the Concepts «Cognition» and «Proof of Criminal Procedure». *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2017, vol. 8, no. 2, pp. 217–223. (In Russian). EDN: ZCPTIZ. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.208.
2. Minto W. *Logic, Inductive and Deductive*. London, Murray, 1893. XII, 273 p.
3. Lemeshevskii K.V. Nota Notae Rule in Kant's Syllogistics. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: The Humanities and Social Science*, 2009, no. 6, pp. 39–45. (In Russian).
4. Tomin V.T., Popov A.P., Zinchenko I.A. (eds.). *Criminal Procedure. Problematic Lectures*. Pyatigorsk, RIA-KMV Publ., 2014. 799 p.
5. Mikheenko M.M. *Proof in Soviet Criminal Proceedings*. Kiev, Vishcha Shkola Publ., 1984. 133 p.
6. Astafev Yu.V. Structure of the Criminal Procedure Cognition (Procedural and Non-procedural Aspect). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities*, 2005, no. 2, pp. 159–172. (In Russian). EDN: SCRQXS.
7. Treushnikov M.K. *Court Evidence*. Moscow, Gorodets Publ., 2005. 287 p. EDN: QWJUMP.
8. Vasin V.V. To the Question of Notion of Procedural Criminal Law Understanding of the Criminal Case Circumstances by the Court of the First Instance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2007, no. 303, pp. 147–149. (In Russian). EDN: KHNOLT.
9. Brester A.A. Criminal Process as a Cognitive Activity. In Andreeva O.I., Chadnova I.V. (eds.). *Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti = Legal Problems of Strengthening Russian Statehood*. Tomsk, 2011. Pt. 51, pp. 8–13. (In Russian). EDN: SWSOGV.
10. Barabash A.S. *Public Beginning of the Russian Criminal Process. Doct. Diss.* Krasnoyarsk, 2006. 414 p.
11. Jeri D., Jeri J. *Collins Dictionary Sociology*. New York, Harper Collins Publishers, 1995. Vol. 2. 443 p.
12. Gorskii D.P. (ed.). *Short Dictionary of Logic*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 208 p.
13. Maslikova N.V., Gorevoi E.D. To the Issue of the Correlation Between Proof and Criminal Procedure Cognition. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2009, no. 1, pp. 42–46. (In Russian).
14. Ayer A.J. *Language, Truth, and Logic*. London, Foubert's Place, 1935. 140 p.
15. Voskobitova L.A., Rossinskiy S.B. Issues of Cognition in Modern Criminal Proceedings. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 130–143. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).130-143.
16. Sheifer S.A. *Collecting Proof in the Soviet Criminal Process: Methodological and Legal Problems*. Saratov State University Publ., 1986. 170 p.
17. Tavanets P.V. (ed.). *Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century*. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1956. 403 p.
18. Mill J.St. *A System of Logic Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation*. London, Longmans, Green a. co, 1886. XVI, 622 c.
19. Zhogin N.V. (ed.). *Proof Theory in Soviet Criminal Procedure*. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1973. 736 p.
20. Popov A.P., Popova I.A. Cognition and Justification — the Two Aspects of Proving in Criminal Procedure. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2015, no. 4, pp. 333–337. (In Russian). EDN: UZFEDR.
21. Arsenev V.D. *Issues on General Theory of Court Evidence*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1964. 179 p.
22. Saveleva N.V. *Problems of Proof and Proving in the Criminal Process*. Krasnodar, Kuban State Agrarian University Publ., 2019. 95 p.
23. Volodina L.M. Evidence in Criminal Proceedings: Yesterday, Today, Tomorrow... *Proof and Proving in Criminal Proceedings: History, Modernity and Development Prospects. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Saratov, 3 April 2020*. Saratov, 2020, pp. 31–32. (In Russian). EDN: AXIMED.
24. Lupinskaya P.A. *Averment in Soviet Criminal Process*. Moscow, All-Union Correspondence Law Institute Publ., 1966. 102 p.
25. Jackson J.D. Two Methods of Proof in Criminal Procedure. *Modern Law Review*, 1988, vol. 51, no. 5, pp. 549–568. DOI: 10.1111/j.1468-2230.1988.tb01772.x.
26. Bufetova M.Sh., Lukoshkina S.V. Implementation Issues the Evidence of the Defender's Activities in the Russian Criminal Proceedings. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*, 2018, no. 4, pp. 41–53. (In Russian). EDN: XTPOSR.
27. Stepanenko D.A. The Systematicity of Investigative Actions in the Light of the New Procedural Legislation. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2002, iss. 15, pp. 46–56. (In Russian).
28. Kostenko R.V. *Evidence in Criminal Process: Conceptual Approaches and Prospects of Legal Regulation. Doct. Diss.* Krasnodar, 2006. 421 p.
29. Azarov V.A., Boyarskaya A.V. Criminal Procedural Cognition and its Modern Orientation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2018, no. 1, pp. 73–80. (In Russian). EDN: WBQFGX.
30. Borulenkova Yu.P. Theory of Evidence and Evidencing: Need to Differentiate Procedural Cognition and Evidencing. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2017, no. 6, pp. 3–8. (In Russian). EDN: YKPKBT.
31. Lazareva V.A. Adversariality and Averment in Criminal Process. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2007, no. 3, pp. 98–102. (In Russian). EDN: KXKTBL.
32. Ozhegov S.I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. 28th ed. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., 2012. 1375 p.
33. Kurylev S.V. *Basics of the Theory of Proof in Soviet Justice*. Minsk, Belarusian State University Publ., 1969. 203 p.

34. Lazareva V.A. *Averment in Criminal Process*. Moscow, Yurait Publ., 2010. 343 p.
35. Solovev A.B. *Proof at the Pre-trial Stages of the Criminal Process*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2002. 155 p.
36. Palauzov V.N. Introductory Lecture in Criminal Court Proceedings. In Kochubinskii A.A. (ed.). *Notes of His Emperor's Novorossyisk University*. Odessa, 1881, vol. 32, pp. 209–226. (In Russian).
37. Ivanov V.A., Elkind P.S. *The Soviet Criminal Trial*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1953. 452 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнакова Светлана Викторовна — доцент кафедры теории и истории государства и права Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Корнакова С.В. Познание и доказывание в уголовном судопроизводстве: проблемы соотношения понятий / С.В. Корнакова. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(3).243-253. — EDN TADSDC // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 3. — С. 243–253.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kornakova, Svetlana V. — Ass. Professor, Chair of the Theory and History of State and Law, Institute of State Law and National Security, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

FOR CITATION

Kornakova S.V. Cognition and Proof in Criminal Proceedings: Problems of the Correlation of Concepts. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 243–253. (In Russian). EDN: TADSDC. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(3).243-253.